

На правах рукописи

КАРИМОВА ГАНДЖИНА БАХТИЁРОВА

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПАМЯТНИКОВ НАСТЕННОЙ РОСПИСИ ТАДЖИКИСТАНА**

Специальность:

**5.6.5 - Историография, источниковедение и методы исторического
исследования (исторические науки)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени кандидата
исторических наук**

Душанбе – 2025

Работа выполнена в Отделе древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана

**Научный
руководитель:**

Иброхимов Муродали Файзалиевич - доктор исторических наук, заместитель директора по научной и учебной работе Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ

**Официальные
оппоненты:**

Тиллоев Сангахмад Самадович - доктор исторических наук, доцент кафедры дизайна, архитектурной среды и реставрации Таджикского технического университета имени академика М. Осими
Умарова Зарина Ходжимахмадовна - кандидат исторических наук, заведующая кафедрой культурологии Российско-Таджикского (Славянского) университета

**Ведущая
организация:**

Таджикский национальный университет

Защита состоится «2» октября 2025 г. 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета 73.1.017.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Индиры Ганды Национальной академии наук Таджикистана (734025, г. Душанбе, пр.Рудаки, 33) и на официальном сайте Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана (www.institute-history.tj)

Автореферат разослан « ____ » _____ 2025 г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук**

Кабилова Б.Т.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Истоки процесса формирования различных отраслей изобразительного искусства таджикского народа теряются в глубине веков. Выдающиеся образцы памятников древнейшего периода, найденные на территории исторического расселения таджиков, по технике исполнения и содержательности не уступают произведениям культуры соседних регионов. В свете археологических открытий живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство таджиков и их предков предстают в качестве самобытного художественного явления. Подлинность такого искусства предстает перед нами как блестящая система с устойчивыми и специфическими нормами. Эти нормы раскрывают себя в преемственности способов изображения образов и форм, связью с другими прогрессивными художественными школами.

Археологические открытия позволяют оценить великолепие художественных традиций таджикского народа в соответствии с их ценностью и достоинствами. В Центральной Азии традиция создания интерьера жилых и общественных зданий на основе настенной живописи зародилась еще в древнейший период. Сохранившиеся фрагменты настенных росписей предлагают зрителю сюжетные композиции и декоративные произведения, исполненные, как реалистичеки, так и на самом высоком уровне стилизации и характеризуются глубокой содержательностью. Их изучение позволяет проследить эволюцию и дать реальную оценку поэтапного роста художественного уровня живописных традиций.

Уровень совершенства монументальных росписей наших предков получила признание не только в Таджикистане, но и далеко за его пределами. Они имеют большую научную ценность, являются бесценным источником, на основе которого можно изучить культурные явления, традиции и ритуалы, мировоззрение и культы таджикского доисламского общества. Использование композиций, канонов стилизации, гаммы цветов, иконографии образов, представленных в старинных произведениях изобразительного искусства, служат источником творчества для современных художников, которые позволяют обеспечить беспристрастность и достоверность при создании произведений исторического характера.

Учеными проделана огромная работа по анализу композиционного построения, изучению реализованных канонов стилизации, гаммы цветов, иконографии представленных в

монументальных росписях образов. Тем самым они внесли большой вклад в дело изучения истории и истории культуры таджикского народа. В этом контексте выявление и подчеркивание вклада каждого исследователя представляется актуальной задачей отечественной историографии.

В процессе открытия, изучения, реставрации и реконструкции, анализа и трактовки настенных росписей принимали участие десятки отечественных и зарубежных исследователей. Всестороннее изучение исторических монументальных росписей, которые сохранились в большинстве своем отдельными фрагментами и в весьма пострадавшем состоянии, требует огромных трудов. Более того, фрагменты росписей, как правило, обнаруживаются на кусках штукатурки внутри завалов и насыпей. Их исследование включает в себя работы различного характера, такие как закрепление на местах нахождения (*in situ*), снятие со стены, компоновка фрагментов в состоянии, соответствующем исходным условиям (иногда в лаборатории), изучение и трактовка (выявление изображенных сцен, содержания ритуала, вида предметов и пр.), художественный анализ (например, выяснение принципов иконографии, определение способа колористического решения). Для выполнения всех этих операций привлекаются специалисты разных направлений (историки, археологи, искусствоведы, культурологи, филологи, химики и др.), труд каждого из которых является весьма важным. Благодаря их работе в республике и за его пределами узнают о блестящих достижениях предков нашего народа. Эти достижения служат свидетельством существования древней и самобытной таджикской цивилизации и показывают истоки ее формирования. В этом контексте выявление и подчеркивание вклада каждого исследователя представляется актуальной задачей отечественной историографии.

Конечно, не все выдвинутые гипотезы и заключения исследователей живописи прошлых эпох являются бесспорными. С развитием исследований и накоплением дополнительного материала эти подходы будут скорректированы. Кроме того, иногда в подходах отдельных исследователей отображаются пристрастие и предвзятость. Как подчеркнул Лидер нации, Основоположник мира и национального согласия, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон, “Наша цель - сохранить славную историю и славное научное, литературное, культурное, цивилизованное наследие таджикского народа, как можно больше и мудрее использовать эту славную

историю и это драгоценное наследие во имя единения, сплочённости, гордости нашего народа, процветания Родины наших предков и укрепления основ нашей новой национальной государственности”¹.

Следовательно, на современном этапе развития суверенного Таджикистана актуальной задачей является объективное отражение истории материальной культуры, в том числе истории изобразительного искусства, в ее связях с политическими и культурными условиями развития общества и синтезом разных культур в минувшие эпохи. В связи с этим, в рамках настоящего исследования автором всесторонне изучен и проанализирован вклад основных исследователей настенных росписей раннесредневекового Таджикистана и подчеркнуты их конкретные научные достижения.

Степень изученности темы. В исторической науке Таджикистана вопрос, связанный с историей изучения памятников монументальной росписи, нашли отражение в монографии С. Р. Мухидинова, посвященной историографии всех областей досоветского изобразительного искусства таджикского народа². Вместе с тем, еще нет специальных работ, целиком посвященных исследованию истории изучения настенных росписей из памятников, расположенных в пределах Таджикистана. Изучение вклада конкретных ученых, экспедиций или научных учреждений в разработку этой проблемы до настоящего времени не становилось предметом отдельного исследования. В то же время, есть труды, посвященные жизни и деятельности ученых, имеющих заслуги в работе с настенными росписями, и эти разрозненные труды вместе с публикациями, посвященными настенным росписям можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют научные статьи, материал которых посвящен биографии и научной деятельности ученых, внесших индивидуальный вклад в изучение старинных настенных росписей. Их авторами являются А. М. Беленицкий и М. М. Дьяконов³, Б. И.

1 Эмомали Рахмон. Выступление на Международном симпозиуме «Бободжон Гафуров — крупнейший исследователь и пропагандист истории таджикского народа», в честь 115-летия академика Бободжона Гафурова (Душанбе, Дворец «Вахдат», 05.12.2023).

²Мухидинов, С. Р. Историография изобразительного искусства таджикского народа (досоветский период) / С. Р. Мухидинов. - Душанбе: Ирфон, 2007. - С. 54-93.

³Беленицкий, А. М. Памяти Александра Юрьевича Якубовского / А. М. Беленицкий, М. М. Дьяконов // КСИИМК. – Вып. 51. – М.: Наука, 1953. - С. 166-168.

Маршак и В. И. Распопова¹, Д. Абдуллоев², Н. Н. Негматов³, В. Г. Шкода⁴, Г. Р. Каримова⁵, В. А. Алёкшин⁶, М. А. Зарифов⁷ и др. Однако подчеркнем, что в этих публикациях процесс и результаты работ с настенными росписями не выбраны в качестве предмета изучения, а приведенный материал имеет обобщенную сущность. Указанные авторы стремились изучить и дать оценку трудам и достижениям конкретных ученых в совокупности. Некоторым исключением может служить статья Б. И. Маршака и В. И. Распоповой, посвященная 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого, в которой отмечены методика изучения им памятников искусства, прежде всего настенной живописи, а также его способность по мере развития источниковой базы (например, открытия новых фрагментов росписей) отказаться от своих ранее сформулированных заключений⁸.

Вторую группу образуют монографии и научные статьи авторов, которые принимали непосредственное участие в составе археологических экспедиций. В контексте настоящего исследования

¹Маршак, Б. И. Александр Маркович Беленицкий и Пенджикент / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. - СПб.: ИИМК, 2005. - С. 18-22.

²Абдуллоев, Д. Основные вехи жизненного пути А. М. Беленицкого // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. - СПб.: ИИМК, 2005. - С. 11-12.

³Негматов, Н. Н. А. Ю. Якубовский – зачинатель таджикской археологии XXв. // ЗВОРАО. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2006. – С. 571-580.

⁴Шкода, В. Г. Несколько встреч с Александром Марковичем Беленицким // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура (Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 г.). - СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2005. - С. 39-40; Он же. Б. И. Маршак и живопись Пенджикента (Метод исследователя) / В. Г. Шкода // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б. И. Маршака. - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. – С. 147-158

⁵Каримова, Г. Р. Борис Ильич Маршак // АРТ. – Вып. 31. – Душанбе, 2007. – С. 248-257; Она же. Валентин Германович Шкода // АРТ. – Вып. 35. – Душанбе, 2012. – С. 405-413; Она же. Основатели Пенджикентской археологической экспедиции (ПАЭ) и их последователи // МПАЭ. - Вып. 20. - СПб, 2016. - С. 39-41.

⁶Алёкшин, В. А. Расширенное заседание Ученого совета и отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 110-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (1904-1993) – крупнейшего исследователя в области средневековой археологии Центральной Азии // ЗИИМК. – Вып. 10. – СПб.: ИИМК, 2014. – С. 199-202; Он же. А. Ю. Якубовский – исследователь древних городов Центральной Азии // ЗИИМК. – Вып. 13. – СПб.: ИИМК, 2016. – С. 151-154

⁷Зарифов, М. А. Вклад Б. И. Маршака в исследование древнего Пенджикента // Муаррих. - № 2(14)2018. – Душанбе, 2018. – С. 87-89.

⁸Маршак, Б. И. Александр Маркович Беленицкий и Пенджикент / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. - СПб.: ИИМК, 2005. – С. 18-22.

заслуживают упоминания работы А. Ю. Якубовского¹, А. М. Беленицкого², М. М. Дьяконова³, Б. И. Маршака и В. И. Распоповой⁴, В. Л. Ворониной⁵, Б. А. Литвинского⁶, Н. Н. Негматова⁷ и С. Г. Хмельницкого, В. С. Соловьёва⁸, Э. Гулямовой⁹, Ю. Я. Якубова¹⁰, П.

¹ Якубовский, А. Ю. Живопись древнего Пянджикента (По археологическим данным) // Сообщения Таджикского филиала АН СССР, серия истории и философии. – 1949. – Вып. 20. - С. 13-17; Он же. Живопись древнего Пянджикента по материалам Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1948-1949 гг. // Известия АН СССР, серия истории и философии. – М.: 1950. – Т. 7, № 5. - С. 472-491; Он же. Вопросы изучения пянджикентской живописи // Живопись древнего Пянджикента. - М.: Из-во АН СССР, 1954. - С. 7-24 и др.

²Беленицкий, А. М. О некоторых сюжетах пянджикентской живописи // КСИИМК. – М. Изд-во АН СССР, 1956. - Вып. 61. - С. 56-62; Он же. Монументальное искусство Пянджикента. Живопись, скульптура. - М.: Искусство, 1973. - 68 с.; Он же. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г. / А. М. Беленицкий, Б.И. Маршак // СГЭ. – Вып. 37. – Л., 1973. - С. 54-58; Он же. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда / А. М. Беленицкий, Б.И. Маршак// Успехи среднеазиатской археологии. - Вып. 45. – 1979. - С. 32-37 и др.

³Дьяконов, М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии (по археологическим исследованиям в древнем Пенджикенте) // КСИИМК. – Вып. 40. - М. Изд-во АН СССР, 1951. - С. 34-44; Он же. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - С. 83-158 и др.

⁴Маршак, Б. И. Согдийское изображение Деда-Земледедца / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // Вопросы древней истории Южной Сибири. - Абакан, 1985. - С. 108-116; Он же. Адоранты из северной капеллы второго храма Пянджикента / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. – М., 1991. – С. 151-173; Он же. Война глазами согдийских художников / Б. И. Маршак, В. И. Распопова // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. - СПб., 1998. - С. 278-281 и др.

⁵ Воронина, В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд. АН СССР, 1959. - С. 87-138; Она же. *Открытие Уструшаны* / В. Л. Воронина, Н. Н. Негматов // *Наука и человечество. 1975. Сборник. - М., Знание, 1974. - С. 51-71 и др.*

⁶Литвинский, Б. А. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (к интерпретации сцены дароносцев из Аджина-тепе) / Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль // СЭ. - М.: Наука, 1968. - № 3. - С. 106-112; Он же. Аджина-Тепе. Архитектура, живопись, скульптура / Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. - М.: Искусство, 1971; Он же. Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине / Б. А. Литвинский, В. С. Соловьёв. – М.: Наука, 1985 и др.

⁷Негматов, Н. Н. Два фрагмента стеной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана / Н. Н. Негматов, В. М. Соколовский // СГЭ. - № 37. - Л., 1973. - С. 58-80; Он же. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии / Н. Н. Негматов, В. М. Соколовский // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. - М.: Наука, 1975. - С. 438-458; Он же. Живопись Шахристана: Опыт реставрации и проблемы исследования // ИООН АН ТаджССР. - 1976. - № 3 (85). - С. 87-97; Он же. Живопись Шахристана (проблемы и суждения) // Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски и суждения. - Л.: Наука, 1985. - С. 230-249 и др.

⁸ Соловьёв, В. С. Настенная живопись городища Кафыркала // Материалы конференций молодых ученых АН Тадж. ССР. – Душанбе, 1976. – С. 144-149.

⁹Гулямова, Э. Раскопки средневековых городищ Хулбук и Сайёд (1978 г.) // АРТ. – Вып. 18 (1978 г.). – Душанбе: Дониш, 1984. - С. 194-205 Она же. Раскопки городища Сайёд в 1980 г. // АРТ. – Вып. 20 (1980). – Душанбе: Дониш, 1987. – С. 202-210; Она же. Раскопки на городище Хулбук в 1983 г. // АРТ. – Вып. 23 (1983 г.). – Душанбе: Дониш, 1991. - С. 298-308.

¹⁰Якубов, Ю. Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма). - Душанбе: Дониш, 1988; Он же. Поселение Кум (Раскопки 1981 г.) // АРТ. – Вып.

Б. Лурье¹ и др. Отметим, что среди их публикаций отдельные специально посвящены настенным росписям, а в других памятники живописи исследованы в рамках археологических отчетов.

В рамках **третьей группы** можно объединить труды по реставрации, реконструкции и консервации настенных росписей. К этой группе имеют отношение публикации Е. Г. Шейниной², П. И. Кострова³, Л. П. Новиковой⁴, В. М. Соколовского⁵, М. Б. Жерве⁶, Л. Ю. Кулаковой и Е. П. Степановой⁷, В. А. Фоминых⁸ и др.

21 (1981 г.). – Душанбе: Дониш, 1988. – С. 374-385; Он же. Работы Верхнезерафшанского археологического отряда на Наврузбах Пв 1986 г. / Ю. Я. Якубов, З. Гарифулина // АРТ. – Вып. 26 (1986 г.). – Душанбе – Худжанд, 2005. – С. 458-471 и др.

¹Лурье, П. Б. О следах манихейства в Средней Азии // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б. И. Маршака. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. – С. 219-251; Он же. К толкованию сюжетов и надписей пенджикентского зала с Рустамом // Луконинские чтения 2007-2012. – СПб., 2014. – № 1. – С. 88-99; Он же. Стенная роспись из Хисорака (рус., яп.) / П. Б. Лурье, Н. В. Семенов, А. Ю. Степанов // Bulletin Miho Museum. – Вып. 17 (2017). – С. 61-80

²Шейнина, Е. Г. Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пянджикента // Труды Таджикской археологической экспедиции. – Т. 2: 1948-1950 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 146-156.

³Костров, П. И. Техника живописи и консервация росписей древнего Пянджикента // Живопись древнего Пянджикента. – М.: Из-во АН СССР, 1954. – С. 159-197; Он же. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пянджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – С. 139-182.

⁴Новикова, Л. П. Некоторые вопросы техники и реставрации стенописи Аджинатепы // АРТ. – Вып. 13 (1973 г.). – Душанбе: Дониш, 1977. – С. 259-270; Она же. Минеральные красители глиняной скульптуры и стенописи Аджинатепы и КалаиКафирниган (VII-VIII вв. н.э.) / Д. П. Новикова, А. Б. Марков // АРТ. – Вып. 17 (1977 г.). – Душанбе: Дониш, 1983. – С. 177-186

⁵Соколовский, В. М. О живописи «Малого зала» дворцового комплекса городища КалаиКахкахаI (Шахристан, Таджикская ССР) // СГЭ. – № 37. – Л., 1974. – С. 48-52; Он же. Полевая обработка, реставрация и опыт реконструкции стенных росписей средневекового Шахристана // Краткие тезисы докладов к научной конференции «Консервация и реставрация памятников культуры и искусства» (21-25 января 1974 года). – Л.: Гос. Эрмитаж, 1974. – С. 6-7; Он же. Реставрация и исследование росписей Уштур-Мулло (работы 1982 г.) // АРТ. – Вып. 22 (1982 г.). – Душанбе: Дониш, 1990. – С. 262-266 и др.

⁶Жерве, М. Б. Реставрация многослойной росписи VI века («Тюльпаны») из нижнего дворца в Пенджикенте / М. Б. Жерве // МПАЭ. – Вып. 20. – СПб., 2016. – С. 36-38; Она же. Реставрационные работы на городище Хисорак в 2016 году // МПАЭ. – Вып. 21. – СПб., 2017. – С. 53-54; Она же. Реставрационные работы на городище древний Пенджикент в 2017 году // МПАЭ. – Вып. 22. – СПб., 2018. – С. 50-51 и др.

⁷Кулакова, Л. Ю. Сцена охоты. Фрагмент стеной росписи / Л. Ю. Кулакова, Е. П. Степанова // Реставрация в Эрмитаже. Взгляд сквозь призму времени. Каталог выставки. – СПб.: Изд. ГЭ, 2014. – С. 64-65; Она же. Сидящая пара. Фрагмент росписи / Л. Ю. Кулакова, Е. П. Степанова // Реставрация в Эрмитаже. Взгляд сквозь призму времени. Каталог выставки. – СПб.: Изд. ГЭ, 2014. – С. 63; Она же. Сражающийся воин (VI - 55) / Л. Ю. Кулакова, Е. П. Степанова // Возрожденные шедевры. Реставрация в Эрмитаже, 2017. – СПб.: Изд. ГЭ, 2017. – С. 18-19 и др.

⁸Фоминых, В. А. Повторная реставрация росписи «Оплакивание» // МПАЭ. – Вып. 20. – СПб., 2016. – С. 106-107; Кулакова, Л. Ю. Плакивание. Фрагмент росписи / Л. Ю. Кулакова, В. А.

К четвертой группе имеют отношение искусствоведческие труды, составленные на основе художественного анализа произведений настенной живописи. Это работы Б. Я. Ставиского¹, Л. С. Айни², Ш. М. Шукурова³, Л. Н. Додхудоевой⁴, Д. Н. Султановой⁵ и других исследователей-искусствоведов.

Пятую группу составляют научные статьи, авторы которых для разработки отдельные вопросы истории материальной культуры соответствующего периода в качестве основного источника привлекали настенные росписи. В эту группу можно включить труды Н. В. Дьяконовой и О. И. Смирновой⁶, И. Б. Бентович⁷, В. И. Распоповой⁸, Н. П. Лобачёвой⁹, Г. М. Майтдиновой¹, С. А. Яценко² и

Фоминых // Реставрация в Эрмитаже. Взгляд сквозь призму времени. Каталог выставки. - СПб.: Изд. ГЭ, 2014. - С. 70

¹Ставиский, Б. Я. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства (Всадник с мугского щита и конный воин из объекта V древнего Пенджикента) // КСИИМК. – Вып. 61. - М. Изд-во АН СССР, 1956. – С. 63-64.

²Айни, Л. С. Проблема плоскости и пространства в живописи раннего и зрелого средневековья (живопись Пенджикента и миниатюра. Опыт сопоставления) // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 26-31 августа 1977 г.). - Душанбе: Дониш, 1977. - С. 154-155.

³Шукуров, Ш. М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии // Средняя Азия в древности и средневековье. – М.: Наука, 1977. – С. 103-111.

⁴Додхудоева Л. Н. Система пространственных построений в согдийской живописи и ее информативность // МПАЭ. - Вып. 20. - СПб, 2016. - С. 35-36; Она же. Системы “операционных принципов” в живописи Согда раннего и среднего средневековья // Проблемы археологии и истории Таджикистана (сборник в честь Ю. Я. Якубова). - Душанбе, 2017. - С. 174-178

⁵Султанова, Д. Н. Возникновение и взаимосвязь монументальной живописи в традиционной архитектуре Средней Азии // Молодой ученый. - 2013. - № 12(59). - С. 710-719.

⁶Дьяконова, Н. В. К вопросу об истолковании пенджикентской росписи / Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова // Исследования по истории культуры народов Востока. – М.-Л., 1960. – С. 167-184; Она же. К вопросу о культуре Наны (Анахиты) в Согде / Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова // СА. – № 1. - 1967. – С. 74-83; Она же. «Сасанидские ткани» / Н. В. Дьяконова // ТГЭ. – Л., 1969. – Т. 10. – С. 81-98; Она же. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // ТГЭ. – Л., 1961. – С. 257-272.

⁷Бентович, И. Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стенных росписей VI-VIII вв.) // Страны и народы Востока. - Вып. 22. - Кн. 2. - М., 1960. - С. 196-212; Она же. Музыкальные инструменты древнего Согда (по данным росписей Пенджикента) // КСИА. - № 147. - М.: Наука, 1976. - С. 55-61.

⁸Распопова, В. И. Вычное седло в живописи Пенджикента VIII в. // ЗИИМК. - СПб.: ИИМК, 2015. - № 11. - С. 125-138; Она же. Войлок и мех в живописи Пенджикента // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). - СПб.: ИИМК РАН, 2018. - С. 168-177; Она же Атрибуты царской власти в согдийской живописи V - VIII вв. // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Матер.межд. конференции, 18-22 ноября 2019 г., СПб. - Т. 1. - СПб., 2019. - С. 218-219 и др.

⁹Лобачёва, Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты) // СЭ. – М., 1965. - № 6. – С. 34-39; Она же. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей архитектурных памятников VI-VIII вв.) // Костюм народов Средней Азии. - М.: Наука, 1979. – С. 18-47.

др. Следует отметить, что вклад этих ученых в изучение настенных росписей не ограничивается лишь описанием костюмов. Исходя из состояния сохранившихся произведений, они, как правило, занимаются также реконструкцией костюма и его конкретных составляющих и, в целом, представленных образов.

В целом, историографический обзор показывает, что выбранная тема, посвященная истории изучения монументальных росписей из памятников Таджикистана, являясь новой, позволяет подчеркнуть заслуги ученых, внесших достойный вклад в их исследование и, тем самым, в изучение и популяризацию материальной культуры предков таджикского народа.

Целью исследования является разработка вопроса об истории изучения настенных росписей, в той или иной мере сохранившихся в архитектурных памятниках Таджикистана.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующий комплекс задач:

- отслеживание истории изучения согдийских, уструшанских и тохаристанских настенных росписей из памятников архитектуры Таджикистана;

- изучение вклада исследователей в открытие, первичный технологический и художественный анализ, реконструкцию и введение в науку настенных росписей как уникальных научных источников;

- выявление вклада исследователей, занимавшихся сбором фрагментов, закреплением, консервацией и реставрацией настенных росписей, их лабораторным изучением;

- анализ вариантов реконструкции разными исследователями сюжетов и трактовки ими содержания произведений настенной живописи;

- изучение и сопоставление заключений ученых по особенностям местной культуры, мировоззрению и культам,

¹Майтдинова, Г. М. Женские костюмы Тохаристана и Согда в период раннего средневековья (по произведениям изобразительного искусства) // Бактрия – Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1983. – С. 52-53; Она же. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // История материальной культуры Узбекистана. – Вып. 21. – Ташкент, 1987. – С. 114-132 и др.

²Яценко, С. А. На родине и на чужбине: облик костюма раннесредневековых согдийцев по изображениям // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ч. 1. - Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан, 2010. - С. 459-462; Он же. Согдийцы на родине и за границей: различия в costume VI–VIII вв. по изображениям в Согде и Китае / С. А. Яценко // Археология Казахстана. – Астана, 2012. - № 1 и др.

традициям и ритуалам, сформулированных на основе исследования произведений монументальной живописи.

- выполнение сравнительно-исторического и художественного анализа произведений монументальной живописи Согда, Тохаристана и Уструшаны;

- авторская оценка источниковой ценности настенных росписей для изучения истории материальной культуры (на примере костюма).

Источниковедческая база работы. При составлении диссертации в качестве источников привлечены научная литература, музейные образцы памятников живописи и материалы письменных источников. С учетом этого, использованные источники можно разделить на следующие категории:

1) научные сборники, в которых зафиксированы текущие (годовые) отчеты отечественных и совместных археологических экспедиций и отрядов. Сюда относятся «Труды Таджикской археологической экспедиции» (первый том назывался «Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции»)¹, «Археологические работы в Таджикистане»², «Материалы Пенджикентской археологической экспедиции»³, «Советская археология»⁴, «Археологический сборник»⁵, «Археологические вести»⁶, «Археологические открытия»⁷, «Археология Средней Азии», «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры»⁸ и др.

2) индивидуальные и коллективные монографии авторов - непосредственных участников археологических экспедиций. В

¹Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. – Т. 1: 1946-1947 гг. / Под ред. А. Ю. Якубовского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – (МИА, № 15); Труды Таджикской археологической экспедиции. – Т. 2: 1948-1950 гг. / Под общ. ред. А. Ю. Якубовского. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – (МИА, № 37); Труды Таджикской археологической экспедиции. – Т. 3: 1951-1953 гг. / Под общ. ред. А. М. Беленицкого. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – (МИА, № 66); Труды Таджикской археологической экспедиции. – Т. 4: 1954-1959 гг. / Под общ. ред. А. М. Беленицкого. – М.-Л.: Наука, 1964. – (МИА, № 124).

² Издается с 1953 г.

³ Основан Государственным Эрмитажом в Санкт-Петербурге, до наших дней издано 24 тома.

⁴ Издается с 1936 г. в гг. Москва и Санкт-Петербург. С 2014 г. журнал называется «Российская археология».

⁵ Издание Государственного Эрмитажа, выпускается с 1959 г. по настоящее время.

⁶ Издается с 1992 г. Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург.

⁷ Основатель - Институт археологии АН СССР, издавался ежегодно в 1965 - 1986 гг., с 1993 г. его издание возобновлено после временного перерыва.

⁸ С 2006 г. журнал издается под названием «Записки Института истории материальной культуры Российской Академии наук».

контексте настоящего исследования среди них заслуживают упоминания следующие работы: “Живопись древнего Пянджикента”¹, “Скульптура и живопись древнего Пенджикента”², “Средневековый город Средней Азии” (А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович и О. Г. Большаков)³, “По следам древних культур” (со статьей А. Ю. Якубовского “Древний Пянджикент”)⁴, “Аджина-Тепа. Архитектура, живопись, скульптура” (Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль)⁵, “Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине” (Б. А. Литвинский и В. С. Соловьев)⁶, “Средневековый Шахристан” (Н. Н. Негматов и С. Г. Хмельницкий)⁷, “Тайна Истаравшана” (Н. Н. Негматов, на тадж.яз.)⁸. Такие статьи публиковались и на страницах научно-популярных и культурных журналов.

3) фрагменты настенных росписей в оригинале и копиях из фондов отечественных и зарубежных музеев, а также их фототипии и описания. Эти материалы позволяют проникнуть в атмосферу, при которой исследователи занимались размышлениями и формулировали свои заключения. В этом контексте упомянем, прежде всего, фонды старинных росписей Национального музея Таджикистана, Национального музея древностей Таджикистана, Республиканского историко-краеведческого музея имени А. Рудаки в г. Пенджикенте, Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге.

4) материалы древней и средневековой литературы, привлеченные для отслеживания поэтапной преемственности традиций в области настенной живописи: произведения древнегреческого историка Хареса Митиленского (“История

¹ Живопись древнего Пянджикента. - М.: Из-во АН СССР, 1954.

² Скульптура и живопись древнего Пенджикента. - М.: Изд. АН СССР, 1959.

³ Беленицкий, А. М. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. - Л.: Наука, 1973.

⁴ Якубовский, А. Ю. Древний Пянджикент// По следам древних культур. - Л.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1951. - С. 209-270.

⁵ Литвинский, Б. А. Аджина-Тепа. Архитектура, живопись, скульптура / Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. - М.: Искусство, 1971. - 258 с.

⁶ Литвинский, Б. А. Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине / Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев. - М.: Наука, 1985.

⁷ Негматов, Н. Н. Средневековый Шахристан (Материальная культура Уструшаны, вып. 1) / Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий. - Душанбе, 1966.

⁸ Негматов, Н. Н. Тайна Истаравшана (тадж.). - Душанбе: Ирфон, 1972.

Александра”, IV в. до н.э.)¹, таджикско-персидских авторов А. Фирдавси (эпос “Шахнаме”)² и А. Байхаки (“История Масуда”)³.

Хронологические рамки диссертационной работы. Хронологические границы настоящего исследования охватывают советский период Таджикистана и годы развития республики в эпоху независимости (до 2021 г.). Выбор нижней границы исследования автор обосновывает тем, что в период Советского Таджикистана (начиная с 1946 г., когда было открыто городище древнего Пенджикента) началось формирование таджикской археологической школы, а также открытие и изучение памятников монументальной живописи. Верхняя граница исследования установлена на том основании, что открытие новых произведений настенной росписи, работы по реставрации произведений и трактовке живописных композиций продолжаются до настоящего времени.

Автором выполнена следующая периодизация хронологических границ исследования: 1946 - 1970 гг. - этап формирования советской археологической школы Таджикистана; 1970 - 1991 гг. - этап развития указанной археологической школы; 1991 - 2021 гг. - этап становления археологической школы независимого Таджикистана.

Настенные росписи, составляющие объект изучения археологов, чьей научной деятельности посвящены материалы диссертации, в основном имеют отношение к III - началу VIII вв.

Вместе с тем, для изучения различных характеристик настенных росписей рассматриваемого периода (принципов иконографии, способов художественного решения, колористики, произведений-аналогов и т.д.) в аспекте преемственности живописных традиций, автором привлечены произведения монументальной живописи предыдущих и последующих эпох - из Саразма (IV - III тыс. до н.э.), а также городищ X - XI вв. Хульбук и Сайёд.

Географические границы исследования. В диссертации исследован процесс изучения исторических достижений таджиков и их предков в области искусства настенной живописи в границах современного Таджикистана.

Методологическую основу исследования составили принципиальные положения современной исторической

¹ См.: Бартольд, В. В. К истории персидского эпоса // Академик В. В. Бартольд. Сочинения. - Т. 7. - М.: Наука, 1971. - С. 385-386.

² Фирдоуси. Шахнаме / Ред. перевода А. Лахути. - Т. 1. - М.: Изд-во АН СССР, 1957. - С. 179.

³ Байхаки, А. История Мас'уда (1030-1041гг.) / Пер. с перс. А.К. Арендса. - М.: Наука, 1969. - С. 191-192.

науки, археологии, культурологии и искусствознания. Методологической базой диссертации послужили принцип объективной трактовки научной деятельности и вклада известных ученых в изучение вопросов истории культуры таджикского народа.

При написании диссертации автором применены следующие методы исследования исторических произведений изобразительного искусства и процесса их изучения: осмысление фактов, сравнительно-исторический анализ, характеристика, сопоставление, обобщение, логико-историческая реконструкция.

Использование метода логико-исторической реконструкции способствует тому, что путем восстановления материальной и духовной культуры раннесредневекового общества можно оценить обоснованность гипотез и выводов исследователей настенных росписей.

Реализация метода сравнительно-исторического анализа позволила на основе произведений монументальной живописи сопоставить уровень развития культуры исторических обществ и подход исследователей к этой проблематике.

Кроме того, прослежены изменения в подходах ученых к содержанию сцен, отображенных в живописных композициях.

Объектом исследования выступают различные аспекты средневековых монументальных росписей (композиции, гамма цветов, принципы иконографии, консервация и реставрация, анализ, трактовка и пр.), которые нашли отражение в трудах исследователей.

Предмет исследования охватывает вопросы, связанные с историей изучения настенных росписей Тохаристана, Согда и Уструшаны эпохи раннего средневековья.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые:

- отслезена история изучения согдийских, уструшанских и тохаристанских настенных росписей из памятников архитектуры Таджикистана;

- изучен вклад исследователей в открытие, первичный технологический и художественный анализ, реконструкцию и введение в науку настенных росписей как уникальных научных источников;

- выявлен вклад исследователей, занимавшихся сбором фрагментов, закреплением, консервацией и реставрацией настенных росписей, их лабораторным изучением;

- проанализированы варианты реконструкции разными исследователями сюжетов и трактовки ими содержания произведений настенной живописи;

- изучены и сопоставлены заключения ученых по особенностям местной культуры, мировоззрению и культам, традициям и ритуалам, сформулированных на основе исследования произведений монументальной живописи.

- выполнен сравнительно-исторический и художественный анализ произведений монументальной живописи Согда, Тохаристана и Уструшаны;

- дана авторская оценка источниковой ценности настенных росписей для изучения истории материальной культуры (на примере костюма).

Положения, выносимые на защиту:

1. Согласно выводам исследователей, памятники монументальной живописи как произведения изобразительного искусства и архитектурного декора таджиков и их предков являясь уникальным археологическим материалом, имеют большую научную и художественную ценность. В них нашли отражение исторические события, хозяйственный уклад, культурные традиции, верования и мировоззрение, этнические типы, реальные персонажи разных степеней и рангов, другие стороны политической и культурной жизни былых обществ;

2. История исследования памятников монументальной живописи из пределов республики являются зеркалом, в котором ярко отражается процесс формирования археологической школы Таджикистана, истоком которой явилась одна из ветвей школы археологии Советской России, прежде всего, ее Санкт-Петербургского (Ленинградского) отделения;

3. Изучение и преподавание научной методологии А. Ю. Якубовского, М. М. Дьяконова, А. А. Беленицкого, Б. И. Маршака, В. И. Распоповой, Н. В. Дьяконовой, О. И. Смирновой, В. Л. Ворониной, Б. А. Литвинского, Т. И. Зеймаль, В. Г. Шкоды, Е. П. Денисова, В. С. Соловьева, П. И. Кострова и других выдающихся археологов и искусствоведов, которые были использованы в ходе открытия настенных росписей, непосредственной работы с ними и изучения их различных граней, служит важным фактором подготовки местных научных кадров;

4. В советский период ряд таджикских исследователей, среди которых А. Исхаков, Х. Мухиддинов, Л. С. Айни, Л. З. Раджабова, Э. Гулямова, Ш. А. Шукуров, Ш. Ф. Курбанов, Ю. Ё. Якубов, Ф. Абдуллоев, работая плечом к плечу со знаменитыми российскими учеными, приобрели высокие археологические и искусствоведческие навыки и внесли достойный вклад в изучение монументальных росписей, открытых в границах Таджикистана.

5. Государственная независимость Таджикистана стала явлением, открывшим новые горизонты в изучении историко-культурных памятников, расположенных в пределах республики, в том числе настенных росписей. В этом контексте деятельность совместных международных археологических экспедиций способствует дальнейшему развитию исследований, направленных на изучение истории монументальной живописи.

6. Результаты проведенных научных изысканий показывают, что в границах Таджикистана искусство монументальной живописи берет начало еще с энеолита, а в последующие эпохи соответствующие традиции поэтапно развивались (бронзовый век, железный век, античность, раннее средневековье и далее);

7. Исследователями отмечено, что господствовавшие в различные эпохи, религия и верования не стали препятствием на пути развития традиций монументальной живописи, при этом их предписания и установки приводили к изменениям отдельных живописных канонов (тематики произведений, содержания композиций, подходов к стилизации, иконографии и пр.);

8. Историко-культурные сведения, зафиксированные в произведениях монументальной живописи в виде сюжетов и образов, а также разнообразных предметов, имеют большую научную ценность и подобно своеобразной энциклопедии знаний служит неиссякаемым достоверным источником изучения политической истории, религии и мировоззрения, обычаев и традиций, народного фольклора, особенностей жизнедеятельности и хозяйствования предков таджикского народа.

Личный вклад соискателя заключается:

- в сборе материала по истории раскопок исторических памятников из Таджикистана, в которых открыты настенные росписи и анализе опубликованных работ, предметами изучения которых являются, в том числе, настенные росписи.

- установлении вклада археологов, реставраторов, искусствоведов и других специалистов, принимавших практическое участие в открытии, реставрации, реконструкции и трактовке монументальных росписей;

- отслеживании научного пути указанных ученых в тесной связи с их деятельностью по исследованию произведений монументальной живописи;

- на конкретном материале подчеркивание вклада других исследователей в сборе фрагментов памятников живописи, их закреплении, консервации и лабораторном изучении;

- в изучении и сопоставлении заключений ученых по особенностям местной культуры, мировоззрению и культам, сформулированных на основе исследования произведений монументальной живописи;

- выполнении сравнительно-исторического и художественного анализа произведений монументальной живописи Согда, Тохаристана и Уструшаны;

- авторской оценке источниковой ценности настенных росписей для изучения истории материальной культуры (на примере костюма).

Теоретическая и практическая значимость работы.

Материал и заключения данного исследования могут быть использованы при разработке обобщающих работ по истории таджикского народа, истории науки, курсов лекций и методических пособий по дисциплине “История национального искусства”.

Выдающиеся ученые, научная деятельность которых нашла отражение в диссертации, являются примером для последования для будущих историков, их плодотворный труд служит важным фактором привлечения молодежи к научной работе. Художественный анализ и трактовка живописных произведений, приведенные в тексте исследования, способствуют эстетическому и гуманитарному воспитанию подростящего поколения.

Степень достоверности результатов исследования.

Достоверность заключений автора диссертации вытекает из того положения, что в основу исследования составляет «живой» материал в виде сохранившихся произведений монументальной живописи. Сведения о научной деятельности и достижениях отдельных исследователей собраны и проанализированы на основе материалов отчетов археологических изысканий, научных статей и монографий археологического и искусствоведческого содержания. Другим

достоверным источником являются статьи, в которых зафиксированы воспоминания и отзывы коллег и учеников этих ученых.

Апробация работы. Материалы работы изложены в виде докладов и сообщений на международных научно–практических конференциях, проходивших в Республике Таджикистан. Отдельные части исследования были апробированы в учебном процессе и научных работах Государственного института изобразительного искусства и дизайна Таджикистана.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана (протокол № 3 от 27 марта 2023 г.).

Публикации по теме диссертации: Основные положения диссертации отражены в 9 публикациях автора в научных журналах, сборниках научных работ и материалах научных конференций, в том числе 3в ведущих научных журналах, рецензируемых в ВАК Минобразования и науки РФ.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, разбитых на восемь параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы (268наименований).

Диссертация изложена на 182 страницах компьютерного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении дается общая характеристика диссертационной работы, обосновываются выбор и актуальность темы, цель и задачи исследования. В исследовании изложены методические принципы работы, раскрываются научная новизна и практическая значимость, методологические основы работы, даётся обзор источников и литературы.

Первая глава - **«История изучения согдийских настенных росписей из Таджикистана»** состоит из четырех параграфов. В первом параграфе первой главы - **«Формирование советской школы изучения настенной живописи древнего Пенджикента (1946 - 1970 гг.)»**отмечается, что история изучения городища древнего Пенджикента берет начало с 1946 года. Памятник был открыт членом-корреспондентом АН СССР А. Ю. Якубовским (1886 - 1953), который заложил устойчивую основу для его системного изучения. Фундаментальный вклад этого выдающегося ученого - основателя Верхнезеравшанского отряда Согдийско-Таджикской археологической экспедиции заключается в организации

широкомасштабных раскопок древнего Пенджикента. Первые его публикации по теме монументального искусства этого городища состоялись в 1950 г., причем одна из них была весьма объемной и заняла 20 страниц журнала “Известия АН СССР”¹. В статье “Вопросы изучения пенджикентской живописи”, опубликованной в 1954 г. в сборнике “Живопись древнего Пенджикента”, А. Ю. Якубовский делит росписи тематически на две группы - религиозные и светские. Однако эти два вида не исполнены отдельно, их создавали преимущественно комбинированно. Художниками были люди из манихейской среды. В своих произведениях они ушли от античного реализма и отдали предпочтение условному изображению. Они не считают важным показать черты лица, характер и сущность индивидуальности личности. Это значит, что в условиях феодальной идеологии художественный идеал и художника и зрителя изменились, сформировались новые принципы трактовки красоты и стилизации изображения. Опираясь на данные О. И. Смирновой, А. Ю. Якубовский делает обоснованное заключение, что в произведениях светского характера настенной живописи Пенджикента должны быть изображены и герои эпоса “Шахнаме”². Несомненно, независимо от содержания уже состоявшихся и последующих находок, честь открытия Пенджикентского городища и его живописи, а также инициатива их изучения, навечно связаны с именем А. Ю. Якубовского³.

После А. Ю. Якубовского течение двух лет Пенджикентскую археологическую экспедицию возглавлял ученый-востоковед и археолог, д.и.н., профессор М. М. Дьяконов (1907 - 1954). В 1951 г. он опубликовал статью “Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии (по археологическим исследованиям в древнем Пенджикенте)”. В ней он доказывает, что отдельные сцены в пенджикентской живописи затем нашли отражение в эпосе “Шахнаме”⁴. Такое заключение проницательного ученого было весьма важно, так как в продолжение его теории другие исследователи целый ряд росписей стали трактовать как Рустамиада (“Подвиги Рустама”). В своей обширной

¹ Якубовский А. Ю. Живопись древнего Пенджикента по материалам Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1948-1949 гг. - С. 472-491.

² Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пенджикентской живописи. - С. 12, 18-20.

³ Памяти А. Ю. Якубовского // Советская археология. - № 19. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - С. 310.

⁴ Дьяконов М. М. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии (по археологическим исследованиям в древнем Пенджикенте) // КСИИМК. - Вып. 40. - М. Изд-во АН СССР, 1951. - С. 34-44.

статье “Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии”, опубликованная в 1954 г. в сборнике “Живопись древнего Пянджикента”, М. М. Дьяконов по итогам проанализированных материалов приходит к выводу, что в Согде VII – VIII вв. существовало несколько художественных школ. Он перечислил общие отличия пенджикенской живописи по отношению к другим художественным согдийским памятникам. В частности, можно говорить об общности, присущей пенджикенским изображениям воинов и рельефам на согдийских оссуариях, что недвусмысленно указывает на существование местной (согдийской) художественной школы¹.

Вторая глава монографии М. М. Дьяконова “У истоков древней культуры Таджикистана”, посвященной древней культуре Согда, почти целиком составлена на основе пенджикентских памятников. Среди приведенных здесь материалов особое место занимают настенные росписи. Автор анализирует несколько росписей, таких как “Знатные всадники”, “Битва пехотинцев”, “Игра в нарды”, приводит их собственную трактовку и связывает героев произведений с предкамитаджикского народа². Закljučая этот раздел, автор пишет, что М. М. Дьяконов расценивал настенные росписи Пенджикента как феномен, в котором получило отражение определенный период материальной и духовной культуры таджикского народа.

Второй параграф начальной главы озаглавлен **“Исследование, реконструкция и художественный анализ пенджикентских настенных росписей в 1970 - 1991 гг.”**. Как отмечает автор, благодаря многолетнему плодотворному труду, А. М. Беленицкий (1904 - 1993) заслужил славу одного из наиболее выдающихся исследователей пенджикентской монументальной живописи³. Он уделял много внимания трактовке настенных росписей. Так, в статье “О некоторых сюжетах пенджикентской живописи” ученый истолковал сразу трикомпозиции⁴. При трактовке живописных сценособую ценностьюмелиего глубокие знания в области таджикско-персидских и арабских письменных источников⁵. В статье “Вопросы

¹Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. – С. 121, 131.

²Дьяконов М. М. У истоков древней культуры Таджикистана. - 137 с.

³Беленицкий А. М. История и культура Центральной Азии в древности и средневековье. Эссеистика разных лет (общество, история, культура). - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. Герцена, 2019. – С. 13.

⁴Беленицкий А. М. О некоторых сюжетах пенджикентской живописи / А. М. Беленицкий // КСИИМК. – Л., 1956. - Вып. 61. - С. 57-62.

⁵Маршак Б. И. Александр Маркович Беленицкий и Пенджикент. - С. 18.

идеологии и культов Согда (По материалам пнджикентских храмов)” от 1954 г. А. М. Беленицкий полагает, что храмы древнего Пенджикента и монументальные живописные традиции построения их интерьера связаны с творчеством художников из манихейской общины¹. Его важным достижением является классификация художественных памятников Пенджикента на культовые и эпические². В результате многолетних трудов А. М. Беленицкого и его коллег выяснился факт существования особой школы согдийской живописи. Используя эти произведения в качестве первоисточника, он выявил различные аспекты идеологии и верований, господствовавших в этом регионе, собрал новые сведения о традициях и ритуалах предков таджикского народа³.

В течение многих лет раскопками древнего Педжикента занимались супруги Б. И. Маршак и В. И. Распопова. В вопросе изучения настенных росписей, ярчайшей стороной научной деятельности Б. И. Маршака было изучение тематики, анализ иконографии, реконструкция произведений и определение символики. Им глубоко исследованы мифологические и сказочные сюжеты, получившие яркое отражение в пенджикентской живописи⁴. Б. И. Маршак плодотворно работал над реконструкцией росписей⁵. В статье “Искусство Согда”, опубликованного в 1987 г., Б. И. Маршак разделил все произведения пенджикентской росписи на три уровня: 1) направленные на обучение людей, каким образом они могут заслужить доверие своих богов, заслужить их благорасположение; 2) призывающие к благородству и доблести; доставляющие зрителю веселье и учит тому, как преуспевать в повседневной жизни⁶. В целом, Б. И. Маршак проявил себя как один из выдающихся исследователей культуры Согдианы и, в целом, всей Средней Азии. Благодаря его знаниям и проницательности был сделан ощутимый шаг вперед в деле изучения мировоззрения согдийского общества и трактовки настенных росписей.

¹Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пнджикентских храмов). – С. 64.

²Там же. – С. 42-50.

³Медведская И. Н. День Археолога в Пенджикентской экспедиции эпохи Муаллима. – С. 24-26; Стеблин-Каменский И. М. Философия Муаллима [с приложением: И. М. Стеблин-Каменский. Стихи, посвященные Муаллиму (Александру Марковичу Беленицкому)]. – С. 32-38.

⁴Каримова Г. Р. Борис Ильич Маршак // АРТ. – Вып. 31. – Душанбе, 2007. – С. 251.

⁵Шкода В. Г. Б. И. Маршак и живопись Пенджикента (Метод исследователя). – С. 154-155, ил. 5.

⁶Маршак Б. И. Искусство Согда / Б. И. Маршак // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. - М., 1987. - С. 233-248.

Свой вклад в изучение городской жизни и других аспектов материальной и духовной культуры доисламского Пенджикента внесла и В. И. Распопова. Помимо многолетнего участия в раскопках, ею исследованы такие вопросы, как виды и конструкция наборных поясов¹, устройство и оформление вьючных седел², войлочные колпаки³, атрибуты согдийского правителя, декор шелковых тканей⁴.

Далее в этом параграфе на конкретных материалах отмечаются научные достижения ряда других ученых, работавших над этой темой - востоковеда и культуролога Н. В. Дьяконовой, лингвиста О. И. Смирновой, этнографа А. З. Розенфельд, реставраторов Е. Г. Шейнина, П. И. Кострова, археолога А. И. Исхакова и И. Б. Бентович, искусствоведа В. Л. Ворониной, Л. С. Айни, Л. З. Раджабовой, Ш. М. Шукурова и др. Каждый из них внес свой достойный вклад в изучение материальной культуры раннесредневекового Пенджикента, исследуя, в частности, отдельные аспекты настенных росписей и предлагая свое видение тематики и художественно-образных особенностей этих произведений. Так, Н. В. Дьяконовой и О. И. Смирновой внесена заметная лепта в дело трактовки композиций, заключенных в росписях древнего Пенджикента, определении личности исторических персонажей (Сиявуш, Рустам и др.) и определении иконографических принципов представленных культовых образов (богиня Нана - Анахита)⁵. Вклад А. З. Розенфельд в исследование пенджикентских росписей заключается в том, что она с привлечением этнографического материала показала тематическую связь монументальной живописи Пенджикента с культурой таджиков. Это ее заключение служит веским основанием утверждать, что данные произведения - творчество его согдийских предков этого народа⁶.

Третий параграф первой главы называется **“Изучение настенной живописи древнего Пенджикента в период независимости Таджикистана (1991 - 2021 гг.)”**. Автор вдохновенно отмечает, что в суверенном Таджикистане уделяется большое

¹ Распопова В. И. Поясной набор Согда VII - VIII вв. - С. 79-91.

² Распопова В. И. Вьючное седло в живописи Пенджикента VIII в. - С. 125-138.

³ Распопова В. И. Войлок и мех в живописи Пенджикента. - С. 168-177.

⁴ Rasporova V. I. Textile Representations in the Sogdian Mural Paintings. - P. 61-73.

⁵ Дьяконова Н. В. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде / Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова // СА. - № 1. - 1967. - С. 74-83; Дьяконова Н. В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // ТГЭ. - Л., 1961. - С. 257-272.

⁶ Розенфельд А. З. “Товораи ноз” - древний погребальный обряд на Вандже (Таджикская ССР) и траурные рубои // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. - Л.: Наука, 1974. - С. 251-258.

значение археологическому изучению историко-культурных памятников, благодаря чему на Пенджикентском городище удалось открыть новые произведения монументальной живописи. Также продолжается работа по изучению и реконструкции настенных росписей, открытых еще в советский период развития республики. Рассмотрена деятельность в этом направлении научных сотрудников Государственного Эрмитажа В. Г. Шкоды, М. Б. Жерве, С. А. Фоминых, Л. Ю. Кулаковой, П. Б. Лурье, таджикского ученого-искусствоведа Л. Н. Додхудоевой. Так, В. Г. Шкода провел в составе Пенджикентской археологической экспедиции более 40 сезонов. Тематику его исследований составили храмы этого согдийского города и памятники истории и культуры в его окрестностях, причем он уделял не меньшее внимание вопросам, связанным с настенными росписями¹. Стержневым вопросом его исследований были особенности зороастризма. Эту проблему он исследовал весьма глубоко, а применительно к вопросу об использовании зороастрийцами курильницы В. Г. Шкода привлек композиции из настенной живописи². В течение 2014-2017 гг. сотрудники Государственного Эрмитажа выполняли реставрационные работы в помещении 20 объекта Кайнар (композиция “Тюльпаны”), помещении 14 объекта XI-B (“Складки”) и Пенджикентском музее-заповеднике (“Орнамент”, “Согдиец с монетами”). Информация о ходе этих работ была представлена М. Б. Жерве в статье “Реставрационные работы на городище древний Пенджикент в 2017 году», опубликованной в 2018 г.³

В 2015 г. были открыты новые росписи на объекте XI-B, при раскопках под руководством П. Б. Лурье. В одном из помещений по крайней мере две стены были декорированы живописью. Восточную стену украшал декоративный фриз из ромбов желтого и черного цвета, образующих “гармошку”. Композиция западной стены более сложная и носит культовый характер. Сохранившиеся фрагменты живописи показывают богиню Нану, сидящую на льве, ниже этой композиции сохранилась верхняя часть изображения двух фигур,

¹Шкода, В. Г. К вопросу о культовых сценах в согдийской живописи // СГЭ. - Л., 1980. – Вып. 45. - С. 60-63; Он же. Локальные варианты культовой иконографии Средней Азии раннего средневековья // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 26-31 августа 1977 г. - Душанбе: Дониш, 1977. – С. 157-158.

²Каримова Г. Р. Валентин Германович Шкода // АРТ. – Вып. 35. – Душанбе, 2012. – С. 405-413.

³Жерве, М. Б. Реставрационные работы на городище древний Пенджикент в 2017 году // МПАЭ. - Вып. 22. - СПб., 2018. - С. 50-51.

скорее всего, донаторов. Отмечена плодотворная работа специалистов лаборатории Государственного Эрмитажа с отдельными пенджикентскими росписями, нуждающимися в повторной реставрации¹. В наши дни большую работу по анализу и толкованию сюжетов пенджикентских росписей выполняет П. Б. Лурье².

Автор выражает уверенность в том, что в направлении исследования монументальной живописи Пенджикентского городища будущее вселит нам новые открытия и достижения.

В четвертом параграфе этой главы **«Открытие и исследование настенных росписей из других согдийских памятников архитектуры Таджикистана»** речь идет об истории изучения росписей, обнаруженных в Хисораке³, Наврузшо П⁴, Куме⁵. Санджар-Шах⁶. Автор дает общую характеристику памятников и краткую историю их изучения, анализирует тематику и художественные особенности настенных росписей, а также отмечает вклад исследователей, которые внесли вклад в открытие и исследование найденных здесь полихромных произведений настенной живописи - Б. Я. Ставиского, Ю. Я. Якубова, Н. В. Семенова, Ш. Ф. Курбанова, П. Б. Лурье, М. Б. Жерве, С. В. Хаврин, З. Гарифулиной.

Как показали исследования П. Б. Лурье, Ш. Ф. Курбанова и Ф. Ш. Аминова, в крепости Хисорак после внедрения в этом районе ислама стенные росписи, открытые в 2016 г., были покрыты глиняной штукатуркой. По этой причине произведения сохранились в плохом

¹ Фоминых, В. А. Повторная реставрация росписи «Оплакивание» // МПАЭ. - Вып. 20. - СПб, 2016. - С. 106-107; Кулакова, Л. Ю. Фрагмент росписи со сценой пира / Л. Ю. Кулакова, А. Ю. Степанов // Реставрация в Эрмитаже. Взгляд сквозь призму времени. Каталог выставки. - СПб.: Изд. ГЭ, 2014. - С. 59; Она же. Сидящая пара. Фрагмент росписи / Л. Ю. Кулакова, Е. П. Степанова // Реставрация в Эрмитаже. Взгляд сквозь призму времени. Каталог выставки. - СПб.: Изд. ГЭ, 2014. - С. 63 и др.

² Лурье, П. Б. О следах манихеизма в Средней Азии / П. Б. Лурье // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б. И. Маршака. - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. - С. 219, 231-237; Он же. К толкованию сюжетов и надписей пенджикентского зала с Рустамом // Луконинские чтения 2007-2012. - СПб., 2014. - № 1. - С. 88-99

³ Лурье П. Б. Стенная роспись из Хисорака. - С. 72-74; Жерве М. Б. Реставрационные работы на городище Хисорак в 2016 году. - С. 53-54; Жерве М. Б. Реставрационные работы на городище Хисорак в 2017 году. - С. 60-62

⁴ Якубов Я. Ю., Гарифулина З. Работы Верхнезерафшанского археологического отряда на Наврузшах Пв 1986 г. // АРТ. - Вып. 26 (1986 г.). - Душанбе - Худжанд, 2005. - С. 467.

⁵ Якубов Ю. О раскопках в Куме в 1970. - С. 172-186; Он же. Поселение Кум // АО 1976 года. - С. 576-577; Он же. Поселение Кум // АО 1977 года. - С. 565; Он же. Крепость Кум (По материалам экспедиции 1964-1967 гг.). - С. 122-145.

⁶ Последняя живопись согдийцев: что скрывают фрески из дворца Санджар-Шах // Sputnik Таджикистан, 1920. - 20.10.2022.

состоянии, их реконструкция вызывает большие сложности, иногда практически невозможна. Реконструкция одного из сохранившихся фрагментов (из помещения 9) показало, что композиция представляла собой сцену охоты¹. Согласно исследованиям Ю. Я. Якубова и З. Гарифулиной, монументальная живопись архитектурного сооружения Наврузшо II сохранилась лишь в следах краски. Сведения об их содержании предложены посредством привлечения памятника-аналога (живописи Кайрагача), да и то исключительно в виде гипотезы². По заключению Ю. Якубова, фрагментарно сохранившаяся живопись крепости Калаи Кум выполнена талантливым художником и выглядит утонченной. Неисключено, что настенная роспись этого дворца подобно пенджикентским образцам была многоярусной³.

Автор заключает, что открытие монументальной живописи из крепостей Хисорака, Наврузшо II, Кума и Санджар-Шахпоказало, что в эпоху раннего средневековья такие произведения занимали важное место в создании интерьера крепостей и в горных районах расселения предков таджикского народа, в частности в верховьях Зеравшана.

Вторая глава диссертации автором озаглавлена как **«История изучения настенных росписей из уструшанских и тохаристанских памятников архитектуры Таджикистана»** и разделена на два параграфа. В первом параграфе этой главы **“Реставрация и трактовка настенных росписей Уструшаны”** отмечается, что настенные росписи раннего средневековья сохранились на городище Калаи Кахкаха (руины г. Бунджикат), они также использовались в украшении окружающих его крепостей, например, замка Чилхуджа. Настенные росписи Бунджиката, изученные главным образом Н. Н. Негматовым, сохранились в сильно пострадавшем виде. Наибольшее количество живописных фрагментов найдено на территории малого зала дворца афшинов VIII в. Сбор фрагментов, консервация и лабораторная реставрация были осуществлены В. М. Соколовским и В. П. Виноградовой⁴. Среди завалов дворца найдено несколько тысяч

¹Курбанов, Ш. Ф. Краткий отчет о работах Пенджикентской археологической экспедиции в 2016 году. - С. 304.

²Якубов, Ю. Я. Работы Верхнезерафшанского археологического отряда на поселении Наврузшах в 1984 г. – С. 296-303; Он же. Работы Верхнезерафшанского археологического отряда на Наврузшах Пв 1986 г./ Ю. Я. Якубов, З. Гарифулина // АРТ. – Вып. 26 (1986 г.). – Душанбе – Худжанд, 2005. – С. 458-471.

³Якубов, Ю. Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма). - Душанбе: Дониш, 1988. - С. 143, рис. 43(2).

⁴Соколовский В. М. Полевая обработка, реставрация и опыт реконструкции стенных росписей средневекового Шахристана. - С. 6-7; Виноградова В. П. Подбор полимерного материала для

кусков расписанной штукатурки, десятки квадратных метров живописи находились на поверхности стен. Как минимум, в 70 фрагментах есть изображения сюжетных композиций¹. И все же, сохранилось не более 5 % от общей площади живописных произведений². Несмотря на это, реставрационные работы позволили провести искусствоведческое изучение настенных росписей - их технологические особенности, стилистику, колористику, сюжетное толкование, вопросы иконографии³.

На полихромных росписях представлены легендарно-мифологические сцены и олицетворена идея победы добра над злом, а в коридоре дворца на стене сохранилось изображение волчицы, кормящей двух младенцев - копия «Капитолийской волчицы»⁴. Четырехрукая богиня как героиня нескольких композиций наделена положительными качествами. В качестве основного героя другой композиции выступает царь, сидящий на зооморфном троне и в окружении аристократов, воинов, музыканток. Увлекательные темы рассказывают про отвагу на битвах, геройство вна поле войны и победы триумфатора в лице божественного царя на колеснице и его друзей. В качестве свергнутых врагов выступают демонические образы. Есть изображения различных реальных и мифологических животных - львов, шакалов, грифонов, змей, дракона⁵.

По материалам археолога У. Пулатова, в двухэтажном замке Чилхуджра на нескольких стенах сохранились лишь следы красок - красного, белого и серого. Разобрать некоторые изображения можно лишь на северной стене Малого зала. В живописи можно заметить человеческое лицо с подчеркнутыми чертами, лошадь серого цвета, тело которой покрыто темно-синими пятнами, белой лошади со всадником, декоративный фриз, основу которого составляет ряд

закрепления красочного слоя росписей на обожженной лёссовой штукатурке. - С. 9-10; Соколовский В. М. Стенная роспись с изображением волчицы из Шахристана (полевая обработка и реставрация). - С. 16-24.

¹Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщение). - С. 185.

²Негматов Н. Н. Тайна Истаравшана. - С. 18.

³Негматов Н. Н. Эмблема Рима в живописи Уструшаны. - С. 21-32; Он же. Два фрагмента стеной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана. - С. 58-80; Он же. О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщение). - С. 183-202; Он же. Эмблема Рима в живописи Уструшаны и древневосточная мифологическая традиция. - С. 3-10; Он же. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии. - С. 438-458.

⁴Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны (Предварительное сообщение) // Советская археология. - М., 1973. - № 3. - С. 183-202.

⁵Негматов Н. Н. Реконструкция и сюжетная интерпретация росписей малого зала дворца афшинов Уструшаны. - С. 150-154

перлов. Возможно, композиция показывала сцену битвы или охоты. Также заслуживает тщательная подготовка стены под роспись - использование пяти слоев штукатурки¹.

В целом, монументальная живопись раннесредневековой Уструшаны по стилистике и тематике близка настенным росписям Согда и Тохаристана, но имеет самобытную форму изложения².

Во втором параграфе второй главы «**Исследование тохаристанских настенных росписей из Таджикистана**» исследована история изучения настенных росписей из Аджинатепы, Кафыркалы, Калаи Кафирнигана, Уштурмулло, Саксанохура, Калаи Шодмона. Раскопки буддийского монастыря Аджинатепы, позволившие открыть здесь многочисленные артефакты, были выполнены в 1960 - 1975 гг. под руководством Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль³. Основу росписей составляет их культовое содержание, но есть и элементы светской живописи (сцена «Дароносцы»)⁴. Пространство купольных перекрытий коридоров, окружавших ступу, украшали изображения сидящих будд. На стенах помещений и террас в комбинации с декоративными узорами были показаны моменты из жизни Будды и сцены подношений. Исследования показали, что настенная живопись Аджинатепы по исполнению близка образцам из Пенджикента и Восточного Туркестана, но имеет и свои особенности⁵.

В буддийском храме Кафыркала (III - VIII вв.), раскопки которого были выполнены в несколько этапов под руководством Т. И. Зеймаль, Б. А. Литвинского, Е. П. Денисова, В. С. Соловьевас 1956 по 1982 гг., росписи украшали церемониальный зал жилого дома⁶, помещения во дворце, малой буддийской церкви⁷, святыне и др. Их изучение показало, что в композициях фигурируют изображения

¹ Пулатов У. П. Чильхуджра. - Душанбе: Дониш, 1975. - С. 8-11, 86-90, рис. 46.

² Негматов Н. Н. Тайна Истаравшана. - С. 21.

³ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. Архитектура, живопись, скульптура. - С. 10-12.

⁴ Литвинский Б. А. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (к интерпретации сцены дароносцев из Аджина-тепе) // СЭ. - М.: Наука, 1968. - № 3. - С. 106-112.

⁵ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. Архитектура, живопись, скульптура. - С. 64-66.

⁶ Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хутталского отряда в 1957 г. // АРТ. - Вып. 5. - Сталинабад, 1959. - С. 89.

⁷ Литвинский Б. А. Буддийская часовня на Кафыр-Кале / Б. А. Литвинский, Е. П. Денисов // АРТ. - Вып. 10 (1970 г.). - М.: ГРВЛ, 1973. - С. 165-171; Соловьев В. С. Настенная живопись городища Кафыркала // Материалы конференций молодых ученых АН Тадж. ССР. - Душанбе, 1976. - С. 144-149.

Будды, цветы лотоса, перлы, части тела людей и животных¹. По технике и стилю живопись Кафыркалы близка образцам из Аджинатепа².

Обнаруженные в Калаи Кафирнигане фрагменты росписей, покрывавших поверхность стен и купола коридоров буддийского храма VI - VIII вв., обнаружены в 1974 г. Б. А. Литвинским, Е. В. Зеймаль и В. С. Соловьевым. В качестве основных цветов выступают красный, желтый, синий, черный и белый, кроме красок использована золотая фольга³. Исследователями отмечено буддийское содержание росписей, что получило отражение в двухъярусном фрагменте, на котором в композиции верхнего яруса фигура сидящего Будды размещена посередине двух стоящих фигур. Композиция нижней части показывает торжественную церемонию, участниками которой являются и мужчины, и женщины. Некоторые находятся в позе стоя, другие (жрецы) сидят на коленях, в руках у сидящих людей находятся золотые и серебряные сосуды с цветами⁴. Б. А. Литвинский отмечает близость сцены в живописи Калаи Кафирнигана с тематикой росписей из Аджинатепа и буддийских памятников Восточного Туркестана (Хутан). Использование очень яркой гаммы цветов приближает эти произведения и к росписям Балалыктепа⁵.

Сохранившиеся фрагменты живописи из буддийского монастыря Уштурмулло, исследованного в 1979 - 1982 гг. под руководством Т. И. Зеймаль, не позволяют реставрировать исходные композиции⁶. Одна из них сохранилась только на участке с изображением нижней части ног нескольких персонажей. Способ изображения их позы соответствует иконографии кушанских правителей⁷. Нет однозначной трактовки изображения женщины на другом фрагменте. Также есть фрагмент, где видна часть головы

¹Литвинский Б. А. Буддийская часовня на Кафыр-Кале / Б. А. Литвинский, Е. П. Денисов // АРТ. – Вып. 10 (1970 г.). – М.: ГРВЛ, 1973. – С. 167-168.

²Литвинский Б. А. Средневековая культура Тохаристана. В свете раскопок в Вахшской долине. - С. 109-113.

³Новикова Л. П. Минеральные красители глиняной скульптуры и стенописи Аджинатепа и Калаи Кафирниган (VII-VIII вв. н.э.) / Д. П. Новикова, А. Б. Марков // АРТ. – Вып. 17 (1977 г.). – Душанбе: Дониш, 1983. – С. 177-186.

⁴Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. - С. 46-53.

⁵Литвинский Б. А. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) // АРТ. – Вып. 15 (1975 г.). – Душанбе: Дониш, 1980. - С. 120-146.

⁶Зеймаль Т. И. Буддийский комплекс Штур Мулло. – С. 186.

⁷Зеймаль Т. И. Буддийский монастырь Уштур-Мулло (работы 1982 г.). – С. 256-258; Соколовский В. М. Реставрация и исследование росписей Уштур-Мулло (раскопки 1982 г.). – С. 262-266.

Будды¹. Эти произведения по художественно-эстетическим и техническим признакам близки живописи из Каратепе и, в какой-то мере, из Дильберджина и Топрак-калы².

В Калаи Шодмоне фрагменты настенной живописи IV - VIII вв. обнаружены и изучены в 1979 г. Ф. Абдуллаевым, В. В. Радилловским и Н. В. Турлигиным, но опубликованы Б. А. Литвинским и Т.М. Атахановым. Отмечено, что наиболее ценным является фрагмент с изображением сидящего аристократа. Поза персонажа и орнамент показанного текстиля приближает живопись Калаи Шодмона к монументальной росписи Балалыктепа. Она имеет графический характер, в ней широко представлен желтый цвет. Иконографический стиль произведения реализован под ощутимым влиянием буддийского искусства³.

В целом, опираясь на результаты исследований указанных выше ученых, отмечает, что в тохаристанских настенных росписях из границ Таджикистана ощутимо проявляется буддийская тематика.

Третья глава работы называется **“Изучение историко-художественных и искусствоведческих аспектов раннесредневековых настенных росписей из Таджикистана”** и включает два параграфа. В первом параграфе этой главы – **“Сравнительно-исторический и художественный анализ монументальной живописи Согда, Тохаристана и Уструшаны”** – отмечается, что отслеживание истоков монументального изобразительного искусства в границах Таджикистана выявило, что его генезис связан с энеолитом – бронзовым веком (фрагменты штукатурки с многоцветной росписью из Саразма)⁴.

Датировка найденных на этой территории настенных росписей показала, что следующие археологические образцы этого искусства (из городища II - I до н.э. Саксанохур) имеют отношение уже к античности. Однако VI тыс. до н.э. традиция декорировать здания росписями в Бактрии и Согде не была прервана, что подтверждается письменными источниками⁵. Выполненный учеными художественный

¹Зеймаль Т. И. Раскопки буддийского комплекса Уштур-мулло в 1981 г. – С. 335-336.

²Соколовский В. М. Реставрация и исследование росписей Уштур-Мулло (работы 1982 г.). – С. 262-266.

³Литвинский Б. А. Раскопки на Калаи Шодмон в 1979 г. – С. 216.

⁴Исаков А. И. Разведки и раскопки Саразмского массива в 1981 г. // АРТ. – Вып. 21 (1981 г.). – Душанбе: Дониш, 1988. – С. 186-200.

⁵Пугаченкова Г. А. Дальварзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии // Дальварзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1978. - С. 218.

анализ показал, что антропоморфным росписям этого периода свойственны тщательное воспроизведение облика персонажей, стремление обеспечить подобие с изображаемыми реальными лицами, подчеркивание индивидуальности через важнейшие детали (прическу, форму лица и пр.). Художник воспроизводит позу персонажа преимущественно фронтально (лицом к лицу со зрителем). Важная особенность живописи этой эпохи - статичное изображение персонажей. Пластикавозникает в живописи Центральной Азии позже, в раннее средневековье.

Изучение исследователями согдийской монументальной живописи выявило, что в нейявление перспективы внедренолишь в отдельных деталях, взамен обращено внимание на взаимосвязь персонажей. В многофигурных композицияхфигуры, расположенные от зрителя подальше, размещены вверху, а близлежащие фигуры-внизу. Согдийский художник стремился к повествованию через изображение, а его основное художественное средство - графика. Для простоты восприятия сюжета, предпочитали способ последовательного расположения мгновений в один ряд, иногда оставляя разделительную площадь¹.

Согласно проведенному исследователями тематическому и иконографическому анализу настенных росписей Тохаристана, в нихшироко представлено буддийское искусство, соответственно, здесь мир божеств является сравнительно более индийским. Это явление олицетворено как в иконографии, так и в стилистике произведений. Одновременно росписи и их отдельные части, показывающие богов, молящихся и жертвователей, в том числе в буддийских сценах, имеют местные среднеазиатские особенности и по гамме цветов близки согдийскому искусству².

Искусствоведческий анализ настенных росписей Уструшаны показал, что в этом регионе художники соблюдали согдийские иконографические принципы, однако на стиль их творчества повлияло искусство Китая. Нанесенные линии виртуозны и склонны к каллиграфии. В результате такой стилистики в уструшанской живописизаметны новые проявления, но она лишена некоторых традиционных ценностей. Так, в изображении живых существ нет той

¹Беленицкий А. М. К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье. - С. 192-193.

²Косолапов А. И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. - С. 16-28.

динамики и могущества, свойственных живописи Пенджикента, а контрастность между фигурами и фоном более низкая.

Кроме того, автором проанализированы заключения ученых о влиянии на живопись Согда, Уструшаны и Тохаристана иконографических принципов и изобразительных стилей соседних регионов¹.

Во втором параграфе заключительной главы - **“Настенные росписи как источник для изучения истории материальной культуры (на примере костюма)”** - автор отмечает, что настенные росписи в качестве ценного первоисточника активно привлекаются исследователями для изучения разных аспектов истории материальной культуры. Так, они являются ценным источником для изучения истории костюма. На их основе можно реконструировать костюмы различных слоев населения, выявить их региональные особенности, выявить господствующие течения моды. Специалисты в области истории материальной культуры фиксируют изображенные реальности с учетом тончайших деталей, а при фрагментарности росписей реконструируют целостный костюм с учетом размерных и декоративных показателей его составных частей. Тему исторического костюма таджиков на основе монументальной живописи разрабатывали И. Б. Бентович², Н. П. Лобачёва³, В. И. Распопова⁴, Г. М. Майтдинова⁵, С. А. Яценко⁶ и др.

Опираясь на материалы и заключения конкретных исследователей, автор отмечает, что настенным росписям присуща не меньшая ценность, когда предметом исследования служат материалы, которые находили применение при изготовлении одежды, в

¹Косолапов А. И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии. - С. 22-24, 39-40.

²Бентович И.Б. Одежда раннесредневековой Средней Азии (по данным стеновых росписей VI-VIII вв.) // Страны и народы Востока. - Вып. 22. - Кн. 2. М., 1960. - С. 196-212.

³Лобачёва Н.П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стеновых росписей архитектурных памятников VI-VIII вв.) // Костюм народов Средней Азии. - М.: Наука, 1979. - С. 18-47 и др.

⁴Распопова, В. И. Поясной набор Согда VII - VIII вв. // СА. - 1965. - № 4. - С. 79-91; Беленицкий, А. М. Согдийские «золотые пояса» / А. М. Беленицкий, В. И. Распопова // Страны и народы Востока. - Вып. 22. - М.: Наука, 1980. - С. 213-218; Распопова, В. И. Войлок и мех в живописи Пенджикента // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). - СПб.: ИИМК РАН, 2018. - С. 168-177.

⁵Майтдинова Г.М. Отражение в женских костюмах Тохаристана и Согда культурных взаимосвязей раннего средневековья // История материальной культуры Узбекистана. - Вып. 21. - Ташкент, 1987. - С. 114-132; Она же. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. - Душанбе: Дониш, 1992 и др.

⁶Яценко С. А. Согдийцы на родине и за границей: различия в костюме VI-VIII вв. по изображениям в Согде и Китае // Археология Казахстана. - Астана, 2012. - № 1 и др.

особенности их декоративная составляющая. Произведения живописи позволяют получить наиболее ясное представление как об элементах композиции (реалистичное или стилизованное изображение конкретного растения, животного, геометрической фигуры и т.п.), так и их цветовых характеристиках.

Таким образом, проведенные исследования по изучению костюмного комплекса подтвердили ценность настенных росписей, в частности из памятников Таджикистана, как важного источника для изучения различных аспектов как политической истории, так и истории материальной и духовной культуры народов Центральной Азии, в особенности, таджиков. Так, благодаря, в том числе, настенным росписям удалось доказать, что в раннесредневековом Согде уже функционировала собственная школа художественного шелкоткачества, наиболее известная продукция которой - узорчатая занданачи¹.

В заключение диссертации обобщаются результаты и формулируются основные выводы исследования, а также предложены рекомендации для практического использования результатов исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ НАШЛО ОТРАЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

1. В журналах рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Каримова, Г. Б. Вклад Б. И. Маршака в изучение настенных росписей древнего Пенджикента / Г. Б. Каримова // Историк. – 2022. – № 2(30). – С. 153-159.

2. Каримова, Г. Б. Историография памятников монументальной живописи Таджикистана (античность - раннее средневековье) / Г. Б. Каримова // Вестник Таджикского национального университета. – 2024. – № 2. – С. 5-10

3. Каримова, Г. Б. Историко-художественные и искусствоведческие аспекты памятников раннесредневековых монументальной живописи Таджикистана / Г. Б. Каримова // Вестник Таджикского национального университета. – 2024. – № 3. – С. 5-9

¹Беленицкий, А. М. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани занданечи) / А.М.Беленицкий, И.Б. Бентович // СА. – М., 1961. - № 2. – С. 66-68.

II. В других изданиях:

4. Каримова, Г. Б. Вклад А. А. Беленицкого в изучение настенных росписей Древнего Пенджикента / Г. Б. Каримова // Историк. – 2020. – № 4(24). – С. 91-98.

5. Иброхимов, М. Ф. Вклад А. Ю. Якубовского в исследовании пенджикентских стен / М. Ф. Иброхимов, Г. Б. Каримова // Историк. – 2021. – № 1(25). – С. 76-84

6. Каримова, Г. Б. Некоторые особенности изобразительного искусства в государстве Саманидов (на примере художественного ткачества) / Г. Б. Каримова, М. Ф. Иброхимов (тадж.) // Матер. республ. научно-теорет. конф. «Наследие предков, возрождение народных промыслов в эпоху независимости РТ» (Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, 27 апреля 2019 г.). - Душанбе, 2019. - С. 37-43.

7. Каримова, Г. Б. Отражение традиций праздников Сада и Мехргон в художественных источниках / Г. Б. Каримова, М. Ф. Иброхимов (тадж.) // Исследования в древней культуре: вчера и сегодня. - Душанбе: Дониш, 2019. - С. 680-686. - Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук РТ).

8. Каримова, Г. Б. Народный промысел по изготовлению таджикских кукол / Г. Б. Каримова (тадж.) // Матер. республ. научно-теорет. конф. «История, традиции и перспективы развития народных промыслов» (Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, 28 ноября 2020 г.). - Душанбе, 2021. - С. 30-32.

9. Каримова, Г. Б. Осуарии Средней Азии как произведения изобразительного искусства Г. Б. Каримова, М. Ф. Иброхимов (тадж.) // Матер. республ. научно-теорет. конф. «30 лет независимости и развития» (Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана, 12 мая 2021 г.). - Душанбе, 2021. - С. 111-117.